

УДК 811.51

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Э.В. Фомин

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

E-mail: ed_fomin@rambler.ru

Рассмотрено научное обоснование литературного языка чувашского народа, пятого по численности в России. Чувашский язык уже в дооктябрьское время считался одним из основательно изученных. В начале XX в. сложились устойчивые литературные нормы, согласующиеся с природой чувашского языка.

Яковлевский период в истории чувашского народа – это подведение итогов предшествующих попыток книжно-письменного употребления и опыта исследования чувашского языка и вместе с тем начало нового этапа его развития и научной разработки. Итоги старописьменного периода при всей их позитивности нельзя назвать удовлетворительными. Нововведения И.Я. Яковлева безусловно существенны: сложился принципиально новый взгляд на проблемы функционального развития и исследования чувашского языка. В результате «накануне революции 1917 г. чуваша, хотя не были вовлечены в процесс больших перемен и прогресса, но находились тем не менее в гораздо более благоприятном положении, чем другие тюркские народы, у которых не было письменности, собственной литературы и слоя образованных людей» [1. С. 78].

Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. уровень изученности чувашского языка оказался достаточно высоким. По замечанию А.Н. Кононова, «чувашский язык – один из обстоятельно грамматически и лексически разработанных тюркских языков...» [2. С. 206–207]. Такое заключение стало возможным благодаря широкой научной деятельности видных российских и европейских лингвистов Н.И. Золотницкого, И.Я. Яковлева, Н.И. Ашмарина, В. Шотта, Й. Буденца, З. Гомбоца, Х. Паасонена и многих других, которым удалось в соответствии с требованиями науки своего времени описать все структурные уровни чувашского языка, развить этимологические исследования и лексикографическую практику, создать литературный язык.

Учеными на фонетическом уровне было установлено существование закона созвучия гласных, явление позиционного озвончения шумных согласных, объяснены случаи чередования, ассимиляции, выпадения, перестановки и удлинения звуков [3], замечено своеобразие ударения [4], которому «в чувашском наречии нельзя отвести определенного места» [3. С. 33]. В основу чувашской графики был положен русский алфавит с незначительными нововведениями, еще несовершенный и таковым осознававшийся самими создателями [5, 6].

В соответствии с уровнем развития языкознания чувашское слово в XIX в. в основном служило отправной точкой фонетических и грамматических изысканий. В области самой лексикологии главным образом разрабатывались периферийные на-

правления – лексикография и этимология. До 1917 г. было подготовлено и издано около 30 многоязычных словарей, одним из компонентов которых был чувашский. Словари по назначению чаще всего являлись сравнительно-сопоставительными, в некоторых случаях переводными и ставили целью сбор, фиксацию чувашской лексики. Качественное изучение словарного состава чувашского языка началось уже в середине XX в., когда пришло осознание достаточности собранного материала.

Значительные результаты были достигнуты в изучении морфологии. Согласно первой грамматике чувашского языка (1769), в нем следует выделить восемь частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, междометие. Вторая грамматика (1836) предлагает иную классификацию: имя в составе существительного, прилагательного, числительного; глагол, причастие, наречие, послеположение. Ею же устанавливается отсутствие родовой дифференциации, наличие изафета, сравнительной степени прилагательных, четырех временных форм глагола – настоящего, прошедшего несовершенного, прошедшего совершенного, будущего; выделяется две формы категории числа – единственное и множественное. Учеными выявляется также категория принадлежности [7], описывается геминация [8]. Неустойчивой остается падежная система, включающая в себя от пяти (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный) [5] до десяти падежей (к перечисленным выше добавляются звательный [4], местный, исходный [7, 8], направительный, предельный [8]. Морфология, столь противоречивая и фрагментарная вначале, очень скоро в работах Й. Буденца [8, 9] и Н.И. Ашмарина [10, 11] достигает стабильности и полноты изложения.

В отношении чувашского синтаксиса в старописьменный период его развития существовал устойчивый иносистемный, славяноцентричный, подход, который был преодолен в 70-е гг. XIX в. путем обращения к логике синтаксического строя чувашского языка [3. С. V].

Исторические изыскания в области фонетики, лексики и морфологии, сопровождавшие с самого начала структурные исследования, явились надежным научным обоснованием принадлежности чувашского языка к болгарской группе тюркской языковой семьи (см. труды Н.И. Ашмарина, З. Гом-

боца, Н.И. Золотницкого, Б. Мункачи, Х. Паасонена, М. Рясненна, В. Шотта).

Причиной высокой научной разработанности чувашского языка служит ряд взаимосвязанных обстоятельств:

- 1) географических – расположение Чувашии в европейской части России, через которую проходили пути научных экспедиций в Сибирь; близость крупных губернских центров - Нижнего Новгорода, Казани, Симбирска, в различные периоды истории ставших центрами чувашеведения [12. С. 105]; многочисленность носителей чувашской культуры;
- 2) исторических – раннее вхождение в состав Русского государства (1551), с давних пор обладавшего практическими знаниями тюркских языков, а с петровского времени осваивавшего европейские научные традиции [2. С. 33], и таким образом раннее облучение исследований по чувашскому языку в формы существования западной науки (см.: [13, 14]);
- 3) лингвистических – спорный статус чувашского языка (финно-угорский или тюркский?) ставший основой финского и немецкого чувашеведения; пристальный интерес венгров к собственной истории, предполагавшей всемерное изучение прачуваше-венгерских языковых контактов [15. С. 3];
- 4) религиозных – стремление обратить язычников-чувашей в православие и воспрепятствовать их мусульманизации, потребовавшее перевод богослужебных книг на чувашский. Доступность переводных текстов требовала учета «особливой природы» чувашского языка [6], понять которую можно было лишь при его научном осмыслении.

Становление чувашского литературного языка происходит с учетом достижений лингвистической науки своего времени. При этом ориентация на научные разработки не могла быть строго выдержанной и последовательной, поскольку эти исследования не всегда являлись доступными (особенно работы, написанные на венгерском языке [16. С. 5]), посвящались описанию языка во всем многообразии и не служили целям нормализации языковых единиц.

В истории чувашской письменной культуры известен эпизод, предшествующий яковлевскому периоду, когда верховой диалект был возведен почти на степень литературного, «но утвердиться такому последнему помешала несовершенная система транскрипции и выступление на культурно-просветительную работу среди чуваш даровитого природного чуваша И.Я. Яковлева, положившего начало новому, более плодотворному периоду чувашской письменности» [17. С. 160]. Этим эпизодом завершается старописьменный этап истории чувашского языка, главным выводом которого стало понимание того, каким не должен быть литературный язык. Осознание сего связано с именем

Н.И. Золотницкого. Выдержанное в традициях XIX в. кредо «держаться в возможно большей степени ближе к русскому правописанию и удерживаться от всяких отступлений от него» [18. С. V] не позволило ученому адекватно выразить на письме верно понятую им природу чувашского языка, в результате чего нововведения исследователя, в оценке С.П. Горского, представляют собой полумеры [19. С. 46]. Тем не менее именно благодаря научной и писательской деятельности Н.И. Золотницкого были подготовлены некоторые предпосылки формирования современного чувашского литературного языка, закреплены некоторые лексические и синтаксические нормы [19. С. 49].

Отсутствие необходимых для обозначения чувашских звуков специальных графических знаков, а в случае применения таковых игнорирование их толкований, частое употребление чуждых народному языку слов и словосочетаний, композиционная неупорядоченность повествования – таковы, согласно И.Я. Яковлеву, недостатки чувашского письменного языка, предложенного Н.И. Золотницким [20]. Самому же И.Я. Яковлеву удалось понять чувашскую фонетику и создать письменность, которая даже «с кавычками и хвостиками при буквах нисколько не помешала книгам г. Яковлева сделаться самыми любимыми у чуваш» [21. С. 22].

И.Я. Яковлев первоначально не ставил целей создания литературного языка. Существовала насущная необходимость в христианском просвещении родного народа [22. С. 111]. Практическое воплощение данной идеи неизбежно вело к формированию этнообъединяющей формы языка.

Ученым был разработан научный документ, призванный регулировать развитие литературного языка, – «Предупреждение» к учебникам и книгам Нового завета (!). В оценке чувашских лингвистов «Предупреждение» явилось введением в новописьменный литературный язык [23. С. 152]. «Школьная и научная грамматика ... прочно закрепила многие фонетические (орфоэпические), орфографические и лексические образования в таком же виде, в каком они даны у И.Я. Яковлева» [19. С. 52].

Непосредственно сам многосложный процесс работы над чувашским переводом Библии, равно над литературным языком, достаточно полно описан ученым-ориенталистом Н.И. Ильминским. Выпущенная им книга «Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии» (1890) – ценнейшее свидетельство человека, стоявшего у истоков литературного языка, подлинно научный труд, написанный в эпистолярном жанре.

Из всех довольно многочисленных и разноязычных инородческих изданий Казанской переводческой комиссии, отмечает Н.И. Ильминский, только чувашские переводы подвергались письменной и печатной критике, настойчивой и почти непрерывной [21. С. 1]. «...эти переводы подвергались действительно испытанию и постепенной обра-

ботке. И так как они слагались под непосредственным действием, так сказать, инородческой природы, при постоянном руководстве опыта, то они привели к установлению и как бы открытию законов и приемов инородческого переложения и вероучительной терминологии, которые (законы и приемы) и были в значительной степени выражены в ответах на возражения» [21. С. II–III]. В настоящем издании «как материал для истории переводов и в разъяснение законов и приемов переводов дела напечатаны ... поименованные возражения с последовавшими на них ответами» [21. С. III].

Нормализация чувашского литературного языка происходила с позиций интегративного, количественного, качественного, традиционного и эстетического принципов.

Интегративный принцип направлен на объединение диалектов и ориентирован на народный язык. Отличается от остальных большей абстрактностью и носит общерегулятивный характер. «... у чувашей разных местностей под влиянием более сильной старой культуры – татарской (= тюркской. – Э.Ф.), в зависимости от других местных условий, имелись различные наслоения. Приходилось избирать какое-либо одно чувашское наречие как наиболее хранящее в себе простонародную чувашскую чистоту и его сделать основным для переводов» [22. С. 115]. Такой основой литературного языка вопреки старописьменной традиции, развивавшей книжно-письменный язык на материале верхового диалекта, стал низовой, вначале как основа диалектно-литературного языка и очень скоро как общенационального. Общенациональным он начал осознаваться после того, как И.Я. Яковлев отказался от первоначально намеченной программы создания письменности и для верховых чувашей. Корректировка программы стала результатом осмысления опасности раскола чувашского народа на основе диалектно-письменных различий [23. С. 5–6].

Суть количественного принципа заключается в стремлении признать литературной нормой языковые единицы, имеющие широкое, желательно общенациональное распространение. Именно по признаку распростаренности стали литературными такие единицы и явления, как, например: звуки [ъ], [ь], [у], имеющие диалектные оппозиции [ъ°], [ь°], [о]; аффикс множественного числа -сем, в диалекте представленный также сингармоничным вариантом -сам; форманты родительного и дательного падежей -нӑн/-нӗн, -на/-не, выражаемые в некоторых говорах в виде -йӑн/-йӗн, -йа/-йе; аффикс аспекта возможности глаголов -ай/-ей, отмеченного в диалекте соответствием -и; прилагательная вопросительная частица -и, противопоставляемая диалектной форме -а/-е; мягкое произношение ауслаута глаголов в форме третьего лица единственного числа настоящего времени, в диалекте выражаемом твердым произношением и др.

Качественный принцип направлен на выбор единиц, обладающих определенными свойствами.

Согласно воззрениям мастеров слова конца XIX в., чувашский литературный язык должен отличаться полнооформленностью единиц и широкой допустимостью абсолютной лексической синонимии. Идея полнооформленности нашла выражение в обязательном сохранении редуцированных гласных в слове, выпадение которых – обычное явление в речи, предпочтении оформленного родительного падежа, признании литературными лишь полных форм спрягаемых глаголов, обязательной двусоставности предложений. Абсолютная синонимичность, суть которой заключается во введении в текст семантически равных разнодиалектных языковых единиц, признается конкретным проявлением также интегративного принципа, обеспечивающего таким образом доступность текста разнодиалектной аудитории. Важный признак, указывающий на доминирование низового диалекта, видится в последовательной кодификации в спорных случаях единиц в их низоводиалектном выражении [19. С. 93].

Традиционный принцип усматривается в признании фактов старописьменного периода в качестве элементов новописьменного литературного языка. Чаще его действие наблюдается в славянской алфавитной основе новой чувашской письменности и сохранении буквы ъ; орфографировании некоторых лексических групп – в дефисном написании звукоподражаний, парных слов и повторов, в слитном орфографировании сложных слов [19. С. 93].

Эстетический принцип реализуется субъективно во взаимосвязи с другими и проявляется в выборе более благозвучных лексических единиц из ряда возможных.

Таким образом в яковлевский период постепенно очерчиваются научно обоснованные устойчивые границы чувашского литературного языка.

Следует подчеркнуть, что разработка норм чувашского литературного языка первоначально носила строго выраженный практический характер: нормы предлагались, оценивались, проверялись и, наконец, утверждались или отвергались. Динамика литературного языка строилась преимущественно на движении языковых средств по линии «диалектизм – литературная единица». В некоторых случаях наблюдался обратный переход.

Значительные изменения уже в самом начале претерпели графика и синтаксис.

Первый вариант алфавита (1870), состоящий из 47 букв, использование значительной части которого было функционально не оправдано, заменяется более удобным, гармонирующим с законами фонетики чувашского языка (1871), и неприкосновенным остается вплоть до 1920–1930-х гг., когда происходит его максимальное сближение с русским.

Синтаксис первых учебных пособий И.Я. Яковлева ориентирован на разговорную речь, в сле-

дующих пособиях уже заметна тенденция его подчинения строгим правилам, отличным от разговорных [23. С. 133–134]. Очень скоро осмысливаются в качестве диалектных синтетические конструкции, первоначально считавшиеся литературными, и заменяются аналитическими [19. С. 71].

Менее интенсивными были изменения в лексике и морфологии и происходили в основном в сторону расширения. Замещения одних единиц другими наблюдались в незначительных объемах (о такого рода изменениях в лексике и морфологии см.: [19. С. 68, 70]).

Главным образом именно в переводных богослужебных текстах, оригинальных художественных произведениях фиксировались языковые и текстовые нормы, т. е. данные произведения несли двойную нагрузку – кроме выполнения основных коммуникативных задач служили целям закрепления предпочтительных вариантов употребления общенациональных языковых средств.

Событием в научной разработке чувашского литературного языка конца XIX – начала XX вв. становится «Русско-чувашский словарь» Н.В. Никольского (1909) с очерком морфологии, представляющий первую специальную фиксацию литературной лексики и первый опыт описания нормативной грамматики. Этот труд представляет собой попытку заметного расширения границ литературного языка за счет включения в его лексический фонд слов верхового диалекта в то время как к средствам наречия *вирьял* в среде чувашских словесников наблюдалась некоторая настороженность.

Примечательно, что «в настоящем русско-чувашском словаре чувашские глаголы приведены в повелительном наклонении» [24. С. 17]. Как оказалось, данная словарная форма глагола, предложенная еще Н.И. Золотницким [18], – оптимальный вариант из всех возможных. К пониманию этого чувашские лексикографы пришли не сразу, в советское время ими были апробированы и форма инфинитива, и форма причастия будущего времени.

Безоговорочно была принята Н.И. Ашмариним яковлевская система письма и методика формирования литературного языка, ко времени начала его научной деятельности уже установившиеся. Благоволие Н.И. Ашмарина, тюрколога с мировым именем, позволило упрочить позиции и авторитет новой чувашской письменности в отечественном языкознании.

Первоначально ученый исполнял роль наблюдателя. Известны его редкие высказывания по литературно-языковым проблемам: «...все напечатанное на этом языке сводится, за немногочисленными исключениями, к переводным сочинениям, касающимся христианского культа и христианской нравственности, но эти переводы, играющие столь высокую и важную роль в деле умственного и нравственного просвещения чуваш, при всех их достоинствах не могут по самому характеру предмета

представить большого разнообразия в оборотах, – того разнообразия, какое свойственно живой разговорной речи» [11. С. II]; «Предлагаемое сочинение («Материалы для исследования чувашского языка». – Э.Ф.) ... представляет собою результат продолжительного изучения живой народной речи среди верхового чувашского населения и самостоятельную разработку оригинальных чувашских текстов, записанных на наречиях *вирьял* и *анатри*... Я также пользовался при обработке этого сочинения обильным материалом, заключающимся в сочинениях религиозно-нравственного характера. Переводной язык этих изданий обладает несомненными достоинствами и потому может дать каждому вполне точное представление о живой чувашской речи, которая иногда поражает нас своими чрезвычайно своеобразными оборотами» [10. С. I]. Чувашский литературный язык конца XIX – начала XX вв., по Н.И. Ашмарину, все-таки явление субъективно релязируемое, пока еще ограниченное, поверхностное отражающее богатство чувашского языка, исключаящее подчас, с точки зрения науки, интересные и неожиданные факты. Именно этим объясняется его стремление к описанию языка во всем многообразии. И именно широта охвата и описания чувашского материала как одного из важнейших предпосылок формирования единого национального языка находит высокую оценку среди чувашских лингвистов [19. С. 247–260].

Проблематика литературного языка особо привлекает внимание ученого в 1920-е гг.: «В настоящее время чувашский литературный язык, достигший значительной степени обработки в симбирских изданиях и совершенно приблизившийся к народной речи, переживает в своем развитии как бы некоторый перелом. За последние десять лет в него начинает проникать верховое наречие, представляющее бесчисленные различия по говорам, подвергшееся сильному влиянию нетюркской (нетурецкой) языковой среды, утратившее многие формы речи и в значительной мере искажившееся. Кроме того, некоторые молодые «литераторы», по-видимому, не считающие необходимым изучение народного языка, выступают на литературном поприще с совершенно жаргонными приемами письма. Не имея никакого представления о весьма своеобразной чувашской стилистике, они бесцеремонно вводят в обиход множество новых и часто совсем ненужных оборотов, чуждых языку метафор и т. п. и употребляют старинные слова в совершенно не свойственных им значениях» [Цит. по: 25. С. 12–13].

Неслучайно этот период развития чувашского литературного языка в лингвистических изысканиях получил название «языковой смуты» [25. С. 31]. В противовес смуте проводится целая кампания массового литературно-языкового строительства, выразившееся в целой серии публикаций и дискуссиях по проблемам литературного языка. В итоге «во второй половине 1920-х гг. вопросы нормализации и совершенствования чувашского литературного языка, разработки и унифика-

ции национальной терминологии стали первостепенными вопросами культурного и языкового строительства, требующими безотлагательного решения. Необходимость серьезного вмешательства в языковую жизнь осознавалась все более широкими кругами населения. Однако для успешного разрешения назревших вопросов языкового строительства потребовалось теоретическое осмысление их, выявление закономерностей развития литературного языка, распознавание характера и перспектив происходящих в нем изменений» [23. С. 98]. Решение данных проблем стало делом жизни выросшего на трудах Н.И. Ашмарина первого поколения собственно чувашских исследователей, крупнейшими представителями которого были Ф.Т. Тимофеев и Т.М. Матвеев [26. С. 32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюгер Дж. Заметки о чувашском языке: прошлое, настоящее и будущее // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1996. – № 5. – С. 76–80.
2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – 2-е изд., доп. и испр. / Институт востоковедения АН СССР. – Л.: Наука, 1982. – 359 с.
3. Золотницкий Н.И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием: Вып. 1: Отдел звуковой / Братство Св. Гурия. – Казань: Университет. тип., 1871. – 64, [14] с.
4. [Вишневский В.П.] Начертания правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. – Казань: Тип. ун-та, 1836. – 248, [4] с.
5. [Рожанский Е.И.] Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. – [СПб.: Тип. Рос. АН, 1769]. – 68 с.
6. Золотницкий Н.И. Чуваш кнеге. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1867. – 27 с.
7. Schott G. De lingua tschuwaschorum: Dissertatio. – Berolini: Veitii et socii sumpitibus, [1841]. – 32 p.
8. Budenz J. Csuvás közlések és tanulmányok // Nyelvtudományi Közlemények 1. – 1862. – 200–268, 353–433.
9. Budenz J. Csuvás közlések és tanulmányok // Nyelvtudományi Közlemények 2. – 1863. – 14–68.
10. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: Фонетика и морфология. – Казань: Типолитогр. Казан. ун-та, 1898. – 410 с.
11. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: Ч. 1. – Казань: Типолитогр. В.М. Ключникова, 1903. – 573 с.
12. Фомин Э.В. О чувашеведении как системе гуманитарных наук // Тюркологический сборник. – Елабуга, 2004. – Вып. 2. – С. 104–107.
13. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. – 82 с.
14. Исследователи чувашского края: Библиографический указатель / Сост. Э.Г. Николаева, Н.Д. Никитина; Чуваш. ун-т. – Чебоксары, 2002. – 256 с.
15. Хузангай А.П. От редактора // Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. – Чебоксары, 2001. – С. 3–4.
16. Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2001. – 238 с.
17. Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка / Главнаука Наркомпроса РСФСР. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930. – 196 с.
18. Золотницкий Н.И. [Предисловие] // Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и др. племен. – Казань, 1875. – С. III–VI.
19. Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 271 с.
20. Яковлев И.Я. [Рецензия на книгу Н.И. Золотницкого «Сёлдалык кнеге»] // Симбирские губернские ведомости. – 1867. – 13 апр.
21. Ильминский Н. К истории инородческих переводов // Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии. – Казань, 1890. – С. 34–78.
22. Яковлев И.Я. Воспоминания. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. – 284 с.
23. Петров Н.П. Чувашский язык в советскую эпоху: Развитие соц. функций и лит. норм. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 208 с.
24. Никольский Н.В. [Очерк морфологии чувашского языка] // Русско-чувашский словарь. – Казань: Центр. тип., 1909. – С. 3–17.
25. Петров Н.П. Нормализация чувашского литературного языка: Учеб. пособие / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 1988. – 80 с.
26. Андреев И.А. Из истории чувашской грамматической мысли (Ф.Т. Тимофеев) // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. – Чебоксары, 1998. – С. 32–33.

Поступила 14.02.2006 г.